

Эпиграфический памятник в археологическом и историко-культурном контексте: Граффити на пряслице из села Грайвороново

А.Г. Авдеев, С.З. Чернов

В конце 1980-х гг. на левом берегу реки Коломенки (Грайвороновки), на территории бывшего села Грайвороново (улица Грайвороновская к северу от станции метро «Текстильщики») (рис. 1, №195), в зоне строительства гаражей местными жителями была собрана древнерусская керамика, фрагмент бронзового витого браслета и небольшое пряслице диаметром 5 см, выточенное из стенки сосуда. На одной стороне этого пряслица четким древнерусским уставом написано «нѣтѣма», на другой располагалась круговая надпись «цѣркъ мене» (рис. 5-7). находка чрезвычайно важна — пока это единственный материал, отражающий древнерусский этап заселения коренного левого берега реки Грайвороновки.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ НАХОДКИ

Помимо пряслица, в число находок входят фрагмент плетеного бронзового браслета, три венчика горшков, одно донце сосуда и зуб крупного рогатого скота (рис. 4). Один из венчиков склеен из четырех фрагментов. (98-150, 151, 153, 160). Состав находок не характерен для верхнего переотложенного слоя селищ, расположенных на месте деревень XVIII—XX вв. Найти развал древнерусского сосуда в таких отложениях практически невозможно. Следовательно, находки, скорее всего, происходят из слоя, сохранившегося *in situ*, из заполнения ямы в материке — подполья наземного жилого сооружения или клетки, где хранились припасы. Состав находок (изделия из бронзы, керамика, кости домашних животных) очень типичны для таких археологических объектов.

Обратимся к анализу находок (рис. 4). Браслет сохранился в виде сильно корродированного фрагмента длиной 4 см. Это плетеный из тонкой проволоки браслет, состоящий из каркаса, на который надет полый шнур. Поскольку концы браслета не сохранились, судить о его типе сложно. Подобные браслеты широко представлены в курганных древностях кривичского и вятичского круга XII-XIII вв.¹

Керамика довольно однородна как в технологическом, так и в типологическом отношении. Это древнерусская круговая посуда. Сосуды изготовлены из красножгущейся глины с примесью мелко- и среднезернистого песка (кварциты имеют размеры от 0,5 мм до 2 мм). Обжиг неполный окислительный. В изломе сосуд трехслойный. Верхние слои имеют кирпично-красный оттенок, а внутренние — серый цвет. В отличие от типичных древнерусских («курганных») сосудов поверхность всех грайвороновских горшков заглажена, так что лишь на 98-150, где поверхностный слой отслоился, видны кварциты. Заглаживание сосудов является проявлением прогрессивных черт керамического ремесла, которые типичны для города XIII в. и в ходе развития приводят к появлению постдревнерусской серой керамики.

По размерам можно выделить один крупный горшок с диаметром венчика 31 см (98-153) и два горшка средней величины с диаметром венчика 18 и 20 см (98-150, 98-152).

По форме венчика все три горшка относятся к типу Д-3 с отогнутым наружу венчиком и секирообразным валиком снаружи. Наиболее четко эта форма проявляется у горшка 98-153, край которого заострен, а упор под крышку отсутствует. Венчики 98-150 и 98-152 имеют небольшой упор под крышку.

Древнерусские горшки с данной формой венчика известны по подмосковным датированным вещами курганным комплексам середины XII в.² Однако наиболее близкие аналогии отыскиваются в закрытых керамических комплексах XIII в. Так грайвороновский сосуд 98-153 по форме венчика похож на целую форму из нижнего

¹ Левашева В.П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1967. С. 229, 218. Рис. 29, № 8.

² Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991. Табл.8, № 2 — могильник Михайловская слобода Раменского района, раскопки 1967 г., курган 8, погребение 2; Табл. 10, № 3 — могильник Чернево, раскопки 1909 г., курган 4.

слоя Московского Богоявленского монастыря, который датируется второй четвертью или первой третью XIII в.³ В этом же комплексе имеются и аналогии сосудам 98-150 и 98-152⁴. Впрочем, необходимо учесть, что богоявленский горшок более архаичен, чем гравороновский: он имеет типичную древнерусскую округлую форму плечек и тулова и несет орнамент в виде горизонтального рифления. Сосуд же из Граворонова имеет слабо намеченное ребро по плечу и украшен асимметричным волнистым орнаментом.

Подобные черты (заглаженность, ребро по плечу, асимметричная волна) характерны для керамики ямы 2 и верхнего горизонта ямы 1, которые отражают второй этап жизни усадьбы А у дер. Могутово (древнерусский городок Шерна), датируемый по сочетанию находок 1220-1270-ми гг.

Следует отметить и близкие формы сосудов варианта Д-3, которые присутствуют в комплексе из Сруба 1, исследованном на Историческом проезде в Москве и имеющем порубочные даты 1248-1251 гг.⁵

Таким образом, керамику, найденную вместе с пряслицем следует датировать второй – третьей четвертью XIII в.

Что касается самого грузила, то оно изготовлено из обломка древнерусского кругового керамического сосуда, который по технологическим характеристикам и орнаментации мало чем отличался от вышеописанной керамики. Сосуд был выполнен из красножгущейся глины с примесью мелко- и среднезернистого песка. Обжиг неполный окислительный. В изломе сосуд трехслойный. Верхний слой имеет темнотурый оттенок, внутри горшок кирпично-красный, а в изломе – серый. Сосуд был украшен обычным волнистым орнаментом, причем одна из волн симметричная, а вторая – асимметричная, как на горшке 98-150.

В целом, создается впечатление, что все описанные находки происходят из одного непотревоженного слоя или из одного сооружения.

Важно отметить, что после изготовления грузила оно использовалось. Следы разрушения видны как по краю отверстия, так и по внешнему краю предмета (рис. 6).

³ Там же. Табл. 21, № 50.

⁴ Там же. Табл. 23, № 69, 128.

⁵ Там же. Табл. 32. № 582, 789.

ИСТОРИЯ ПОСЕЛЕНИЯ

Селище, в пределах которого обнаружен описанный комплекс находок, идентифицируется с селом Гравороновым. Брашевская дорога на Коломну, пересекала речку Гравороновку немного южнее с. Гравороново (рис. 2, в районе № 197). В жалованной льготной грамоте Ивана IV Симонову монастырю от 21 декабря 1543 г. «Село Гравороново» упоминается с топографическим уточнением «на Перерве на Коломенке»⁶. «Коломенками» называли верховье нынешней реки Гравороновки и ее левый приток, на котором располагался пруд Садки⁷.

Эти наблюдения позволяют локализовать на местности события осады Москвы войсками Едигея в 1408 г. Летописцы, составленные после 1460-х гг., сообщают, что войска Едигея стояли «у Москвы в селе Коломенском». Однако в Рогожском летописце, составленном в 1412 г., то есть сразу же после описываемых событий, о появлении татарских войск 30 ноября 1408 г. рассказывается иначе: «Дни же пятку соушу (т. е. в пятницу. — С. Ч.) тогда же к вечеру клонящуся начаша пльки поганыхъ являтися, ставляхуся на поли града, не смѣяху близъ града стати, пристроя ради граднаго и стрѣляніа со града, но ста въ селѣ на Коломенкахъ»⁸.

Поскольку Коломенками именовались нынешняя речка Гравороновка и ее приток, образующий ныне Садковский пруд, можно предполагать, что «село на Коломенках» — это позднейшее сельцо Гравороново «на Перерве на Коломенке».

Такому предположению не противоречат и археологические данные. Как уже отмечались, на месте села Гравороново обнаружены

⁶ АФЗХ. Акты Московского Симонова монастыря (1506 – 1613 гг.) Сост. Л.И. Ивина. Л., 1983. С. 88. № 75. Когда в 1569 г. вотчина Симонова монастыря была взята в опричнину, специальной указной грамотой, адресованной «в Московской уезд» выборному старосте и целовальнику, предписывалось не взимать «с сельца Гравороны» Симонова монастыря «оброк за дань, и за посошный корм, и за ямские деньги, и за городовое дело, и всякие наши подати» (Там же. С. 227. № 178).

⁷ На Геометрическом плане Московского уезда 1797 г. надпись «р. Коломенка» имеется в верховьях р. Гравороновки у с. Карачарова и рядом с притоком Гравороновки, на которой в XIX в. был устроен Садковский пруд (южнее станции метро Текстильщики) (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 6922).

⁸ ПСРЛ. Том. XV. Вып. 1. Пгр., 1922. Стб. 183.

культурные отложения XIII в. Находки были сделаны на левом, восточном, берегу реки Грайвороновки, к северу от ул. Грайвороновской (пролегает по трассе улицы бывшего села), между речкой и 2-м Грайвороновским переулком, а также к югу от ул. Грайвороновской. Таким образом, культурный слой прослежен в западной, приречной, части бывшего села (рис. 3).

В начале XV в. москвичи, со слов которых записывалось это известие, еще без труда различали село «Коломенское» и село «на Коломенках». Во второй половине XV в., топоним «на Коломенках», видимо, потерял значение элемента макротопонимической системы окрестностей Москвы и стал употребляться как дополнение к новому названию села Грайворонново, то есть как микротопоним. Не удивительно, что летописец заменил непонятное ему слово на знакомое «село Коломенское».

Почему же Едигей дислоцировал свои войска «в селе на Коломенках» — ведь оно отстояло от Москвы на 7 км! Вряд ли дело было только в опасении татар попасть под обстрел, ведущийся с городских стен, как о том сообщает летописец. Вокруг сожженного посада было много мест, недоступных стрелам и пушкам москвичей. Достаточно взглянуть на карту-реконструкцию древнего рельефа (рис.), чтобы уяснить, почему татары встали в 7 км от города. В районе села «на Коломенках» Брашевская дорога огибала с севера расширение москворецкой поймы, известное в XIX в. как Сукино болото. В период средневековья это обширное пойменное пространство включало разнообразные угодья: луга, охотничьи «перевесы», рыболовецкие «тони». Эти угодья тянулись по правобережью Коломенки от того места, где теперь размещается АЗЛК, до района Перервинского монастыря. В этих пределах располагались «луги Тамашиньский в Перервѣ», упомянутые в завещании кн. Юрия Дмитриевича Звенигородского 1433 г.⁹ Скорее всего, на Перерве оставались стога сена, столь необходимые татарской коннице зимой («бьяшьть бо тогда зима тяжка зело»¹⁰). Через 20 дней, 20 декабря, осада была снята.

Определение местоположения села «на Коломенках» в 1408 г. позволяет задаться вопросом: не следует ли видеть в нем одно из

⁹ ДДГ. С. 73.

¹⁰ ПСРЛ. Том. XV. Вып. 1. Пгр., 1922. Стб. 183.

двух Коломенских сел («2 селѣ Коломенских»), которые Иван Калита передал своей вдове княгине Ульяне¹¹?

Как известно, московские села Ульяны (как и весь ее удел) в первой половине 1370-х гг. были поделены между великим князем Дмитрием Ивановичем и кн. Владимиром Андреевичем. В духовной грамоте князя Владимира Андреевича (начало 1404 — май 1406 гг.) мы действительно находим села, некогда принадлежавшие княгине Ульяне. Сыну Ивану Серпуховскому он передает «Поповское на Коломенке с мельницею» и «Туловское село со всеми деревнями», а кн. Андрею Радонежскому — «Михайловское село с мельницею»¹² (в духовной Ивана Калиты оно упоминается как «Михайловское на Яоузе»).

В духовной великого князя Дмитрия Ивановича (1389 г.) также отыскивается след московских сел княгини Ульяны. Село «Дѣвигуниньское» он завещал сыну Андрею, получившему Можайск и Белоозеро. Однако село это перешло к великому князю Дмитрию Ивановичу не по разделу первой половины 1370-х гг., а досталось от отца. Оно было взято из удела Ульяны еще великим князем Симеоном Ивановичем, в духовной которого (1353 г.) упоминается¹³.

Почему же второе село «на Коломенке» не упоминается в духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича? Поскольку Симонов монастырь был великокняжеским, есть веские основания предполагать, что пожалованное ему с. Граворонново «на Перерве на Коломенке» первоначально принадлежало Дмитрию Донскому. Тогда «Поповское на Коломенке с мельницею» князя Владимира Андреевича следует локализовать в районе слияния Коломенок, примерно там, где в XVIII — XIX вв. располагался Садковский пруд. При таком понимании

¹¹ ДДГ. № 1. С. 8, 9. Данное предположение, высказанное в 1997 г., было поддержано А.Б. Мазуровым, который обратил внимание на то, что по писцовой книге 1577/78 гг. в среднем течении реки Коломенки Большого Микулина стана (под самой Коломной) также имелось «село Граворон», и высказал предположение о том, что подобный топонимический перенос связан был с перемещением населения из окрестностей Коломны вверх по течению реки Москвы (Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С. 83 — 84).

¹² ДДГ. № 17. С. 46.

¹³ ДДГ. № 3. С. 14.

дела молчание духовной грамоты великого князя Дмитрия Ивановича о втором «селе на Коломенке» может свидетельствовать о том, что ко времени ее составления (1389 г.) это село (позднейшее Грайвороново) уже принадлежало Симонову монастырю.

Итак, можно заключить, что владения Симонова монастыря были в период великого княжения Дмитрия Ивановича органично «вписаны» в систему подмосковного великокняжеского «чапнича пути» — обширного массива земель, начинавшихся от стен Москвы (Васильцев стан), включавшего Пехорский стан и распространявшихся до Клязьмы и Маслова болота. У самого монастыря было пожаловано село «Коровничье», в пределах Васильцева стана — «на Перерве на Коломенке Гравороново», а в Пехорском стане — массив земель у Медвежьих озер.

Анализ структур расселения и характера земельных владений Симонова монастыря позволяют предполагать, что древнее ядро великокняжеских земель Васильцева стана включало издавна освоенные коренные берега: от Крутиц до Симонова монастыря и от с. Грайворонова до Перервы.

Таким образом описываемые древности происходят отнюдь не из рядового поселения. Через сто лет после того, как анализируемые здесь предметы оказались в земле, это поселение представляло собой одно из сел подгородного Васильцева стана, принадлежавшего великому московскому князю Ивану Калите. Перед нами одно из древнейших московских сел, история которого уходит в XIII в.

ГРАФФИТИ В ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОМ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

В первых публикациях С.З. Чернов¹⁴ прочитал граффити как «истома» и «⁺ чоурь мене» и датировал его суммарно XII-XIII в. Если чтение исследователем имени «истома» и местоимения «мене» бесспорны, то чтение магического восклицания «чоурь» неверно па-

леографически и фонетически. Небесспорна и его датировка XII в., не соответствующая дате всего комплекса находок.

Возможно ли сужение датировки данного граффити? Методика нашей работы состояла в том, чтобы, отталкиваясь от даты комплекса предметов, обнаруженных вместе с пряслищем, найти аналогии начертаниям букв в граффити в берестяных грамотах, надписях и уставном письме в хронологическом диапазоне между последней четвертью XII и третьей четвертью XIII в.

То, что граффити нанесено на пряслище, выточенное из стенки сосуда более раннего времени, нежели остальные находки, не совсем обычно. Большинство известных к настоящему времени граффити выполнено на пряслицах из розового шифера, производство которых было налажено в районе Овруча на Вольни. Считается, что производство этих пряслиц, достаточно многочисленной категории находок в слоях древнерусских городов, прекратилось после татаро-монгольского нашествия¹⁵. Однако в данном случае из-за небольших размеров комплекса мы не можем сказать, является ли отсутствие в нем шиферных пряслиц четким хронологическим репером, позволяющим датировать находки временем после 1240 г., или же данная находка отражает скромный имущественный достаток сельских жителей подмосковной округи.

Надпись на пряслище выполнена уставным письмом, что свидетельствует о присущности «автора» граффити книжной культуре своего времени — он был весьма грамотен и хорошо знаком с техникой рукописного письма.

Первую букву в слове «чоурь» необходимо читать как **ц**, так как в XIII в. асимметричного начертания буквы «червь» не существовало. Более того, будучи мягким, звук «ч» в данном случае требовал бы после себя звука *ju*, а не *и*, как в граффити. Именно в форме «чюра» (*chi-uga*) употребление этого слова в речи москвитов отмечено в словаре Ричарда Джеймса 1618 г. с пояснением «так кричат, чтобы перестали драться или бить» («when they crie to hould up from fighting or beating»)¹⁶. В граффити же передан твердый звук «ц», о чем свидетельствует стоя-

¹⁴ Чернов С.З. Округа Москвы в XIII — XVI вв. // Природа. 1997. № 4. С. 70-72; Чернов С.З. Домен московских князей в городских станах 1271-1505 гг. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. II. М., 2005. С. 272, 331. Рис. 78; Цв. Вкл. Рис. 17.

¹⁵ Артемьев А.Р. Города Псковской земли в XIII-XV вв. Владивосток, 1998. С. 92.

¹⁶ Ларин Е.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI-XVII веков. СПб., 2002. С. 276.

шая после него фонема /у/. Впрочем, в древне-новгородском диалекте звук «ц» мог быть и мягким (например, «ко Цюдиноу» — НГБ, 159)¹⁷. В целом употребление Ц вместо Ч в граффити отражает характерное для древне-новгородской зоны цоканье¹⁸.

Буква А начертана с округлой петлей простой формы¹⁹. Аналогичное начертание в есть берестяной грамоте № 727-1 (между 1180-1200 гг.). Близкую аналогию дает надпись на Нерльском кресте 1164 (?) г.²⁰ и на Роговолодом камне 1171 г.²¹ Менее отчетливую аналогию дает смоленское граффити о «врагах игуменах»²². Б.А. Рыбаков датировал его временем около 1211-1224 гг., связав с деятельностью преп. Авраамия Смоленского. А.А. Зализняк по аналогиям с палеографией берестяных грамот датировал граффити серединой — второй половиной XIII в., а также уточнил его чтение. По мнению исследователя, речь в надписи идет о «врагах игуменовых» и отверг его связь с преп. Авраамием, полагая, что ее автором мог быть монах, который тревожился за судьбу монастыря и за своего игумена в какой-то нездоровой ситуации²³. Аналогичное начертание в уставном письме относится к XII в.²⁴

¹⁷ В украинском и белорусском языках слово «чур» зафиксировано в форме «цур». См.: *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. Вып. посл (тело — яшур). М.; Л., 1949. С. 81-82; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. О.Н. Трубачева. Т. 4 (Т — яшур). М., 1974. С. 385; *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. II. Панцирь — яшур. М., 1994. С. 397.

¹⁸ *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект... С. 39. См. также: *Живов В.М.* Восточнославянское правописание XI-XIII века. М., 2006. С. 97-127.

¹⁹ Здесь и далее палеографические особенности берестяных грамот даны по: *Зализняк А.А.* Палеографические особенности берестяных грамот // *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1990-1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внеэпиграфическое датирование. М., 2000. С. 152-217.

²⁰ *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI-XIV веков // САИ. Вып. Е1-44. М., 1964. Табл. V-VI. № 28. Также: *Медынцева А.А.* Грамотность... С. 19. Табл. 1.

²¹ *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи... Табл. V-VI. № 29.

²² *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи... Табл. VII-VIII. № 34.

²³ *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей // *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997-2000 гг.). Т. XI. М., 2004. С. 279.

²⁴ Здесь и далее ориентируемся на палеографическую таблицу, составленную Л.В. Черепниним: *Черепнин Л.В.* Русская палеография. М., 1956. С. 154-155. Табл. 2.

Е — вертикальное якорной формы встречается в двух начертаниях: с горизонтальным язычком и с язычком книзу. Аналогичное начертание форме с язычком книзу в берестяной грамоте № 183-3 (между 1360-1380 гг.). Близкая форма начертания обеих форм есть в надписи на Нерльском кресте 1164 (?) г., а форма с горизонтальным язычком — в надписи на панагии-гривне 1237 г. (?)²⁵ и в надписи 1252 г.²⁶ Аналогичное начертание в уставном письме относится к XIII в.

И — основного вида с горизонтальной переключиной. Аналогичное начертание в берестяной грамоте № 600-3 (между 1220-1240 гг.). В датированных надписях подобное начертание буквы **И** встречается в широком хронологическом диапазоне от середины XII до третьей четверти XIII вв., а в надписях-граффити — с XI по XIV вв.²⁷ В уставном письме данное начертание может датироваться и XII и XIII вв.

М — с острыми начертаниями и вертикальными мачтами. Аналогичное написание в берестяной грамоте № 726-1 (между 1180-1200 гг.). Для берестяных грамот, датируемых XIII в., подобное начертание буквы **М** нехарактерно. Близкое начертание **М** дает надпись на Нерльском кресте 1164 (?) г. и граффити о «врагах игуменовых», а также надпись 1252 г. В уставном письме данное начертание может датироваться и XII и XIII вв.

Н — с диагональной переключиной. Левая мачта прочерчена дважды — вертикально и с наклоном из-за соскока резца. Аналогичное начертание в берестяной грамоте № 420-3 (между 1240-1260 гг.), а также в надписи на Нерльском кресте 1164 (?) г., записи о «врагах игуменах» и надписи 1252 г. Аналогичное начертание в уставном письме может датироваться и XII и XIII вв.

Р — с прямой мачтой и округлой замкнутой петлей. Аналогичное написание, но с более округлой петлей, есть в берестяной грамоте № 163-3 (между 1180-1200 гг.), а с треугольной петлей — в грамоте № 56 (1240-1260 гг.). В датированных надписях аналогичное начертание буквы **Р** дают надписи на Нерльском кресте 1164 г. (?) и Роговолодом камне 1171 г., а также на кресте архиеписко-

²⁵ *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи... Табл. IX-X. № 43.

²⁶ *Медынцева А.А.* Грамотность... С. 19. Табл. 1. № 15.

²⁷ *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. XI-XIV века. М., 1978. С. 187.

па Антония до 1211 г. (?)²⁸. В уставном письме подобное начертание стоит ближе к XIII в.

С — основного вида. В берестяных грамотах прямые аналогии отсутствуют. Аналогичные начертания буквы **С** имеются в надписях на Нерльском кресте 1164 (?) г., Рогволодовом камне 1171 г., а также в надписи на панагии-гривне 1237 г. (?). Очень близкое написание данной буквы есть в надписи 1252 г. В уставном письме данное начертание может датироваться и XII, и XIII вв.

Т — переკладина без боковых насечек имеет скошенное начертание параллельно краю пряслица, что связано с ориентацией писца на верхнюю границу предмета. Аналогичное начертание в берестяной грамоте № 295-2 (между 1220-1240 гг.). Близкую аналогию дает надпись на Нерльском кресте 1164 (?) г. и на кресте 1234 г. из Новгорода. В уставном письме аналогичные начертания не встречаются.

Написание фонемы /у/ через диграф **ОУ** после согласного само по себе является важным датирующим признаком. В новгородских берестяных грамотах оно господствует в XI-XII вв., плавно снижаясь в частоте употребления к середине следующего столетия²⁹. Аналогичное начертание диграфа **ОУ**, не сближенного при письме, дает берестяная грамота № 768 (1240-1260 гг.). В датированных надписях и уставном письме сходное нашему граффити начертание диграфа **ОУ** отсутствует. Сходное начертание буквы **О** можно найти в смоленском граффити о «врагах игуменовых».

Буква **Ц** находится в строке целиком. Аналогичное написание есть в берестяной грамоте № 163 (между 1180-1200 гг.) и 531-2 (1200-1220 гг.). Почти полную аналогию написанию **Ц** на нашем граффити дает также надпись на Рогволодовом камне (1171 г.). В надписях, датированных 30-ми гг. XIII в., буква **Ц** имеет более узкие формы³⁰, лишь в надписи на надгробии Симеона (1234 г.) ее форма аналогична нашему граффити³¹. Аналогичная нашему граффити форма буквы **Ц** есть в уставном письме XII в., но реже встречается в уставном письме следующего столетия. Вместе с тем, отметим, что в уставном письме XIII в. происходит пе-

реход к начертанию **Ц** со смещенным концом, которое в следующем столетии становится основным, тогда как в новгородских берестяных грамотах данное начертание начинает распространяться в XIV в.

Ъ — с вертикальной мачтой и каплевидной закрытой петлей; верхняя переκладина прочерчена дважды: горизонтально и с наклоном, вероятно, из-за соскока резца. В берестяных грамотах и уставном письме прямые аналогии отсутствуют. Близкую аналогию дают надпись на Нерльском кресте 1164 (?) г. и кресте архиепископа Антония до 1211 г. (?).

По сумме палеографических и грамматических признаков, а также археологической датировкой сопутствующего материала граффити на пряслице может быть датировано в пределах второй трети — середины XIII в. Судя по всему, граффити было начертано достаточно зрелым человеком. Его палеографической особенностью является сочетание архаических для этого времени начертаний букв с начертаниями, типичными для этого столетия.

Характерные черты цоканья, отраженные в граффити, позволяют поставить вопрос не только и не столько о стабильном проживании непосредственно перед татаро-монгольским нашествием на ближних к Москве землях выходцев из Новгорода Великого. По времени ей предшествует датированная 1160–1170-ми гг. берестяная грамота № 723, в которой новгородец Душило сообщает об отъезде в Кучков — как еще в то время именовалась Москва³². Отметим также, что еще в первой половине XVI в. земли на западе Московского края — территория бывшего Волоколамского княжества — в духовном отношении были подчинены Новгородской епархии. Тем не менее, В.М. Живов в ареал цоканья включает также земли Пскова, Смоленского, Витебского, Полоцкого и Тверского княжеств³³. Не означает ли надпись на пряслице, что в домонгольское время (по географической близости с Тверью) этот ареал мог хотя бы частично затрагивать Московский край?

Граффити на пряслице является первым достоверно зафиксированным случаем употребления магического восклицания «чурь» в древнерусском языке. В памятниках древнерусской книжности оно не зафик-

²⁸ Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи... Табл. VII-VIII. № 35.

²⁹ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект... С. 28-29. Диаграмма III.

³⁰ Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи... Табл. VII-VIII. № 36-38.

³¹ Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи... Табл. VII-VIII. № 39.

³² Янин В.Л., Зализняк А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990-1993 гг. // Вопросы языкознания. 1994. № 3; Зализняк А.А. Древненовгородский диалект... С. 355. № Б 48.

³³ Живов В.М. Восточнославянское правописание... С. 113.

сировано, а в словарях русского языка впервые появляется в 1822 г.³⁴ Первым свидетельством бытования его в разговорной речи москвитов, как уже говорилось выше, является словарь Ричарда Джеймса 1618 г.

Вместе с тем, данная надпись свидетельствует о распространении христианства и грамотности в сельской местности Подмосковья в домонгольское время. Вызывает интерес вопрос о принадлежности русского имени «Истома», написание которого в граффити дает самый ранний пример употребления этого имени в Московском крае. В ономастико-не новгородских берестяных грамот³⁵ данное имя не зафиксировано. В словаре древнерусских имен Н.М. Тупикова и «Ономастиконе» С.Б. Веселовского оно показано как мужское имя³⁶. В опубликованных до настоящего времени граффити на пряслицах преобладают женские имена, а мужские имена, изредка встречающиеся на них, А.А. Медынцев рассматривает как имена дарителей. Случай, когда в граффити на пряслице мужское имя помещено в сопровождении магического восклицания «чур меня», для Древней Руси является первым.

В первой публикации С.З. Чернов отметил слияние в граффити на пряслице христианской символики с языческим заклинанием³⁷. Точнее будет сказать о прекрасном примере народных суеверий, в которых христианство прочно перемешалось с языческими реминисценциями. Публикуемое граффити нанесено на предмет, принадлежавший женщине, но в качестве апотропея использовал его мужчина, что, возможно, связано с магической инверсией предмета. Подобный случай использования пряслица в средневековой Руси пока является первым. При этом, учитывая длительное использование пряслица по прямому назначению (следы разрушения видны как по краю отверстия, так и по внешнему краю предмета), оно носилось в качестве амулета на шее не изначально. В этнографической литературе подобных примеров отыскать не удалось. Весьма шаткой аналогией здесь является так называ-

емый «куриный бог» — языческий амулет в виде камня с природным отверстием или сосуд с отверстием. Хорошо известный в русском быту, он использовался для защиты кур и в медицинских целях³⁸. По-видимому, магическая символика данного амулета связана здесь с формой круга (пряслица) и магическим восклицанием «чур меня», защищающими его владельца³⁹. При этом талисман являлся именованным, призванным защитить конкретного человека от нечистой силы. Характерно, что на пряслице было процарапано не крестильное имя его владельца, а русское, данное родителями при рождении⁴⁰. Магическое заклинание предварено изображением главного христианского символа — креста — в народных поверьях самого действенного оружия против дьявола: среди русского населения Сибири отмечено поверье, что черт боится креста так же, как и круга⁴¹. В словаре В.И. Даля зафиксировано слово «чортогон», которым обозначался крест⁴².

Summary

A.G. Avdeev, S.Z. Chernov

Epigraphical site in the archeological and historical context: Graffito on the spindle whorl from the Grayvoronovo village

The article is dedicated to the publication of a unique graffito found in the former village of Grayvoronovo in Moscow Region on the spindle whorl that contains the first authoritatively stated appearance of the usage of the Old Russian magical exclamation «chur». The archeological context and the paleographical analysis date the find back to the second third — the middle of the 13th century, showing an excellent example of a folk superstition, in which the Christianity is mixed with pagan reminiscences.

³⁴ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь... С. 397. См.: Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Вновь просмотр., испр. и доп. изд. СПб., 1822. Т. VI. Стб. 1327.

³⁵ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект... С. 834-839.

³⁶ Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных имен. М., 2004. С. 167-169; Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 357.

³⁷ Чернов С.З. Домен московских князей... С. 272.

³⁸ Райан В.Ф. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России. М., 2006. С. 91, 317.

³⁹ Ср.: Райан В.Ф. Баня в полночь... С. 79.

⁴⁰ О магии имени см.: Райан В.Ф. Баня в полночь... С. 442.

⁴¹ Райан В.Ф. Баня в полночь... С. 81.

⁴² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. СПб.; М., 1882. С. 598.